

Вечер.

Наша гёдза-вечеринка подошла к концу...

— ... Фух.

Я залез в ванную.

Аяко-сан сказала, что у неё ещё дела, потому я пошёл в ванную первым.

Вопрос с Арисой решился, и в голове стало так легко...

Как же.

Скорее наоборот.

Я изнываю.

Мысли переполняют меня.

Один вопрос решён, но теперь перед глазами маячит другой, от которого я отводил взгляд.

— ... Наверное, уже пора?

Думал я... О физической близости.

Пора уже предложить?

Уже можно?

Я никак не мог перестать думать об этом.

И если уж на чистоту... Я мучаюсь из-за этого с самого начала совместного проживания.

Когда начал жить с Аяко-сан, она всегда была такой очаровательной и сексуальной, и как мужчина я ничего не мог сделать со своими желаниями.

Так и хотелось прижаться.

Стать единым с любимой женщиной.

И это желание лишь становилось сильнее.

— ... А, чёрт. И зачем я это вообще сказал?

В нашу первую ночь.

Я сказал, что буду ждать, пока Аяко-сан не будет морально готова.

Конечно я не жалел о сказанном. Это не было ложью, но не мог же я наброситься на Аяко-сан, если она боится.

И всё же.

Теперь... Сделать это стало куда сложнее.

Вот же блин.

Из-за того, что сказал это с самого начала... Даже сделать ничего не могу. Вдруг трону её и она скажет: «А? Ты такие слова красивые наговорил, и что в итоге?»

Так и начались мои дни терпения.

То она из ванной в пижаме выйдет, то я её переодевающейся застукаю... Меня будто пытаются соблазнить. Я как-то смог сдержать кипящее желание, которое пробуждало её соблазнительное тело.

А потом я встретил Арису на стажировке... Со случившимся с ней мы разобрались, но я снова встал перед этим вопросом.

Как бы.

После случая с ней я слегка пересмотрел свою точку зрения.

— ...

Аяко-сан сама сказала.

Не стоит лезть из кожи вон.

Позволь тебя побаловать.

Кажется, что всё случилось из-за того, что я слишком сдерживался. Я слишком восхищался ей и слишком принижал себя, и надо бы пересмотреть мои вредные привычки.

Однако.

Если так подумать... То, что я не лез к Аяко-сан — это тоже часть моей попытки сдержаться.

Она моя любимая женщина и я очень ей дорожу.

И не хочу всё испортить.

Я хотел быть искренним.

Это правда.

Но... В итоге только и пытаюсь сдерживаться.

То, что я думаю о ней, — лишь попытка самоудовлетвориться.

Вдруг Аяко-сан на самом деле хочет сделать это прямо сейчас...

— Нет, не может быть. Не может... Ведь?

Не может Аяко-сан... Но у женщин тоже есть желания, и как я слышал, пик наступает как раз в районе тридцати.

Кстати... Мы не добавляли чеснок в гёдза.

Аяко-сан не захотела.

Может быть... Она на что-то надеется и не хочет, чтобы изо рта пахло...

— ... Эх, не знаю.

Не знаю. Ничего не понимаю. У меня нет опыта в любовных отношениях, чтобы понять

женское сердце. Для девственника это слишком сложно.

Загнанный в тупик собственными мыслями, я вылез из ванной. Посижу ещё и уже кипеть начну.

Я сел на стул и начал мыть тело... И тут.

Хлоп.

Дверь в предбанник открылась и закрылась. Я обернулся и увидел за матовым стеклом силуэт Аяко-сан.

Похоже она вошла в ванную.

Что-то сделать хочет?

Однако она какое-то время стояла неподвижно.

Думая, в чём дело, я просто наблюдал, и вот она начала двигаться. Хоть силуэт и виден, что именно происходит, не понятно.

Некрасиво смотреть, так что я повернулся вперёд и потянулся к шампуню. Я из тех, кто начинает мыться с головы.

— Т-Таккун...

Я уже собирался выдавить шампунь, как вдруг с той стороны двери заговорила Аяко-сан.

— Что? — переспросил я, и она ответила.

Напряжённо, смущённо, но всё же чётко.

— М-можно мне вместе с тобой?

Я не уловил смысла.

Подумал, что ослышался.

Ведь... Аяко-сан не могла такое сказать.

Можно ли ей вместе со мной.

Такое только в мечтах возможно.

— А? А, а-а? Это, с-сейчас...

— Я вхожу, — не дождавшись моего ответа, сказала она.

Теперь открылась раздвижная дверь в ванную.

И у меня перехватило дыхание.

— ... М.

Аяко-сан разделась.

Правда не полностью.

Она закуталась в банное полотенце, прикрыв все интимные места.

Хотя тонкая ткань не могла скрыть её выдающиеся формы. Полотенце лишь подчёркивало глубокую ложбинку её большой груди. Линия узкой талии и округлой попки переходила в белые бёдра.

— Ч-что... Ты что делаешь, Аяко-сан?.. — закричал я и, сидя на стуле, повернулся к ней спиной.

Я не представлял, на какую часть тела под полотенцем можно смотреть... А ещё я сам совершенно голый. Нельзя передом к ней поворачивать.

Но тут я понял.

В ванной передо мной было зеркало.

Из-за пара видно плохо, но её лицо я видел.

— Я-я подумала потереть тебе спинку.

— Спинку...

— Костюм зайки — это слишком, но такое ведь я ещё тоже не делала.

Я видел в зеркале, какое красное у неё лицо. Она старалась оставаться спокойной и как могла подавляла стыд, стоя позади меня.

Сама понимала, что чем-то постыдным занимается.

Но... Во влажных глазах можно было разглядеть огонёк.

Огонёк решимости...

— ... Я больше не сбегу, — сказала Аяко-сан. — Не сбегу и сдерживаться не буду. Я буду делать всё, что мне хочется. Даже если нелегко... Я буду пробовать, — проговорив это, она приблизилась.

Девушка присела позади меня.

— Таккун.

Возле уха я услышал её шёпот, и по спине пробежали мурашки.

Голос был напряжённым, но при этом очень томным.

— ... Я морально готова.

Я думал, грудь сейчас расплавится. Казалось, что сердце разорвётся.

Пока ты не будешь морально готова, я ничего не сделаю.

На мои слова, в которых доброта перемешалась с трусостью, она дала свой чёткий ответ.

Борясь со стыдом, она выразила свои чувства.

Я был поражён, а она позади потянулась к мылу для тела и выдавила его.

Наша длинная ночь начинается.